

Познав вкус плотских утех, император, разумеется, уже не мог остановиться. Несколько дней он самозабвенно наслаждался этим упоительным распутством.

Премьер-министр же привык разыгрывать слабость; каждый раз, когда силы его были на исходе, он принимался нежно и едва слышно шептать:

— Ваше Величество... подданный... подданный так устал...

Влага застилала его взоры, собираясь в крупные капли.

Стоило ему прикрыть веки, как слезинка внезапно скатывалась из уголка глаза, замирала на кончике ресниц и срывалась вниз. А когда он вновь поднимал взгляд, в его глазах читалось такое искушение, что сердце императора трепетало.

Государь не мог перед этим устоять и, прекращая ласки, принимался без конца его утешать:

— Хорошо, хорошо, Я больше не буду, не буду.

После нескольких дней праздности пришло время возвращаться к утренним приемам.

Премьер-министр, чье сердце болело за народ, разумеется, заставил себя в зимний час Кролика (от 5 до 7 утра), преодолевая телесную боль, явиться в тронный зал, дабы выслушать доклады о делах в стране.

Видя премьер-министра, стоящим внизу среди чиновников, император преисполнился такого сочувствия, что всё утро на любые предложения лишь отвечал: «Хорошо, хорошо, хорошо».

Он желал закончить всё как можно скорее и больше не вступать в споры с министрами. В конце концов, на слезы красавца он мог полюбоваться и дома, незачем выставлять это на показ другим.

На самом деле все предложения чиновников уже были изложены в докладах, и император их давно утвердил. Так что теперь нужды в прежних бурных дебатах не было.

По окончании совета император взглядом позвал премьер-министра уйти вместе с ним, но тот не обратил на него внимания.

Ему нужно было соблюсти приличия и вместе с остальными чиновниками покинуть зал, продолжая обсуждать государственные дела по пути к дворцовым воротам.

В тот день все наперебой хвалили императора: говорили, что после свадьбы его характер чудесным образом исправился, государственные дела решаются быстрее, и за всё утро у него не возникло ни единой мысли, способной навредить народу.

«Это определенно заслуга премьер-министра!» — твердили все вокруг.

Когда эти слухи поползли в народ, люди решили, что премьер-министр безропотно сносит все тяготы и унижения исключительно ради блага простых подданных.

Простой люд даже начал поклоняться ему, возводя его образ в ранг божества, совершенно не осознавая, что подобное возвеличивание может лишь погубить его.

Эти толки через злые языки дошли и до ушей императора. Государь лишь холодно усмехнулся, как и подобает истинному венценосному герою, и совершил образцовый поступок: наказал

того, кто принес эти сплетни.

Однако в опочивальне он не упустил случая воспользоваться этим, не давая премьер-министру спуска. Все те сумасбродные идеи, которые он опустил в тронном зале, он одну за другой озвучивал прямо в постели.

Как-то в полдень, разбирая доклады в кабинете, император приказал слугам удалиться. Он усадил премьер-министра, помогавшего ему с бумагами, к себе на колени и принялся ласкать его тонкую талию, намереваясь прильнуть губами к груди.

Премьер-министр попытался вразумить его:

— Ваше Величество, не пристало предаваться страсти при свете дня.

Императора внезапно посетило озарение, и он произнес:

— А не стоит ли Мне построить еще один дворец? Кажется, этот дворец Линьцзян недостаточно велик.

Услышав это, премьер-министр, «смирненно принимая свою участь», распахнул верхнее платье и развязал темно-красную нагрудную повязку-дуду, обнажая белоснежную и гладкую грудь, соски на которой за эти дни немного увеличились от постоянных ласк.

Выгнув спину, премьер-министр обхватил императора за шею и поднес свою грудь к его губам, предлагая угощаться. Император с жадностью припал к нему, а стоны премьер-министра становились всё громче.

Вскоре, прерывисто дыша, он прошептал свои наставления:

— Ваше Величество... подданный... ах... считает, что дворец Линьцзян... уже... достаточно велик...

Император промолчал, кивнул и переключился на другой сосок. Он сосал их до тех пор, пока оба не затвердели и не вытянулись.

Твердый корень государя упирался в бедро премьер-министра.

Смахнув всё со стола, император уложил на него супруга и задрал полы его нижних юбок. Премьер-министр попытался удержать руку императора, прикусив губу в знак протеста:

— Ваше Величество...

— Дворец Линьцзян и впрямь слишком тесен, — отрезал император.

Любящий народ как родных детей, премьер-министр отпустил руку императора, тянущуюся вниз, и даже начал подыгрывать ему. Лежа на столе, он громко вскрикивал:

— Ваше Величество, быстрее, еще быстрее... ах!..

На самом деле, если бы тот стал двигаться еще быстрее, премьер-министр бы просто испустил дух. К счастью, император всё же сохранил остатки самообладания и не принял эти слова за чистую монету.

Когда всё закончилось, он сказал премьер-министру:

— А дворец Линьцзян-то вполне просторный.

Премьер-министр и удовольствие получил, и «нашептывание в подушку» сработало как надо.

Вот только уставал он в последнее время изрядно.

<http://bllate.org/book/17312/1620392>